

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

I. Обзоръ журналовъ.

1. *Mind*, a quarterly review of psychol. and philos. July 1891, № 63.

E. W. Scripture.—Задача психологіи.

Авторъ доказываетъ, что:

1) Психологія есть наука объ умственныхъ процессахъ, а не объ умственныхъ продуктахъ.

2) Она есть умственная (mental) наука, а не фізіологія мозга.

3) Это—одна изъ специальныхъ наукъ, а не часть философіи.

4) Это наука описательная и изъясняющая, а не критическая.

5) Помощь ея необходима наукамъ физическимъ, другимъ умственнымъ и нравственнымъ наукамъ, наукамъ философскимъ и дидактическимъ.

H. R. Marshall.—Физическое основаніе удовольствія и страданія (статья первая).

Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ журнала (№ 56) авторъ доказывалъ, что удовольствіе и страданіе суть первичныя качества, которыя, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, *могутъ* возникать со всякимъ психическимъ явленіемъ, каково бы ни было его содержаніе. Руководясь этою гипотезою, авторъ пытается теперь открыть физическое основаніе удовольствія и страданія. Послѣ обзора и критики гипотезъ другихъ ученыхъ авторъ предлагаетъ слѣдующую гипотезу:

1) Удовольствіе испытывается всякій разъ, когда физическое дѣйствіе, которое опредѣляетъ содержаніе, сопровождается потребленіемъ накопленной силы: превращеніемъ потенциальной энергіи въ кинетическую; или, другими словами, оно испытывается всякій разъ, когда энергія реакціи на какой-либо стимуль количественно превосходитъ энергію самого стимула.

2) Страданіе испытывается всякій разъ, когда физическое дѣйствіе, которое опредѣляетъ содержаніе, находится въ такомъ

отношеніи къ доставленію питанія, что энергія реакціи на стимулъ количественно менѣе энергіи самого стимула.

Но какъ объяснить, слѣдуя этой гипотезѣ, удовольствіе отъ покоя и прекращенія страданія, а также страданіе, вызываемое задержаніемъ дѣятельности? Всякая усиленная дѣятельность задерживаетъ дѣятельность другихъ частей организма, гдѣ, поэтому, и происходитъ накопленіе запасовъ; когда же эта усиленная дѣятельность прекращается, то начинается потребленіе этихъ накопленныхъ запасовъ, т. е. возникаетъ удовольствіе. Если же нормальная дѣятельность задерживается, а притокъ матеріаловъ при этомъ не уменьшается, то чрезмѣрное накопленіе вызываетъ ненормальную дѣятельность соотвѣтствующихъ тканей; отсюда страданіе задержанной дѣятельности.

Въ той же книгѣ журнала помѣщено еще: *W. Caldwell*, Шопенгауеровская критика Канта.

Въ специальной замѣткѣ заявляется, что слѣдующій № журнала будетъ послѣднимъ, который выйдетъ подъ редакціей *G. Croom Robertson*'а; начиная съ 1892 г. редакція перейдетъ къ *G. F. Stout*'у, причемъ ближайшее участіе примутъ: *H. Sidgwick*, *J. Venn*, *J. Ward* и *W. Wallace*.

П. Мокиевскій.

2. *International Journal of Ethics*, т. I, №№ 3—4, 1891.

Обозрѣвателю «Международнаго Журнала по Этикѣ» нѣтъ возможности остаться простымъ рецензентомъ. Силою обстоятельствъ онъ превращается вмѣстѣ съ тѣмъ въ хроникера оригинальнаго этического движенія, охватившаго интеллигентные слои Англии и Америки и успѣвшаго выразиться въ основаніи «этическихъ обществъ», «обществъ для распространенія университетскаго образованія», «народныхъ дворцовъ» и т. п. учреждений разумной общественной филантропіи. Разнообразіе формъ, въ которыхъ проявляется это движеніе, энергія его инициаторовъ, сочувствіе, встрѣчаемое имъ въ массѣ,—все это позволяетъ думать, что мы имѣемъ дѣло не съ временнымъ увлеченіемъ добрыми чувствами, не рѣдкимъ и въ жизни другихъ націй и часто смѣнявшимся необузданнымъ господствомъ циническихъ инстинктовъ,—а съ теченіемъ, удовлетворяющимъ назрѣвшимъ нравственнымъ запросамъ обществъ, стоящихъ во главѣ міровой культуры.— Въ реферируемыхъ книжкахъ помѣщена программа курсовъ прикладной этики (*School of Applied Ethics*), долженствовавшихъ

быть прочитанными текущимъ лѣтомъ, на подобіе знаменитыхъ. Читакуаскихъ лекцій, въ одной изъ дачныхъ мѣстностей Новой Англии. Программа обнимаетъ три отдѣла: политическую экономію, исторію религій и этику съ многочисленными подраздѣленіями. Въ числѣ лекторовъ значатся извѣстные американскіе ученые. Дальнѣйшія книжки журнала дадутъ, вѣроятно, матеріалъ для сужденія о томъ, на сколько успѣшно курсы выполнили свою задачу: дали-ли они лекторамъ только лишній поводъ для морализированія, или же представили серьезный обзоръ важнѣйшихъ областей обществовѣдѣнія, освѣщенный этическими принципами.—Перехожу къ непосредственной своей задачѣ, отмѣтивъ кстати, что журналъ становится все болѣе «международнымъ»: начиная съ іюльской книжки въ спискѣ членовъ редакціоннаго комитета, на ряду съ упомянутыми въ предыдущемъ обзорѣніи англійскими, американскими и нѣмецкими учеными, значится симпатичный французскій мыслитель Альфредъ Фулье.

Проф. Той. Религіозный элементъ въ кодексахъ нравственности. Авторъ разсматриваетъ три момента въ исторіи культуры: періодъ кланной организаціи, періодъ жречества, который въ типической своей формѣ совпадаетъ съ древними цивилизаціями, но многія черты котораго не утратили своей силы до сихъ поръ, и періодъ отдѣленія этики отъ религіи: Нравственныя возрѣнія члена клана опредѣлялись понятіями всей общины, авторитетъ которыхъ совершенно исключалъ возможность индивидуальнаго сужденія. Они имѣютъ нѣкоторое сходство съ своеобразной этикой современной воровской шайки: обокрасть сосѣдній кланъ считалось подвигомъ, кража у родича составляла преступленіе; убійство членовъ другого клана вмѣнялось въ долгъ, тогда какъ убійство членовъ своего рода, нанося вредъ всей общинѣ, навлекало на виновника беспощадную кару. Всѣ эти нравственные принципы унаслѣдованы, они не требуютъ отъ индивида личнаго нравственнаго рѣшенія. Характерно для нравственнаго сознанія этой эпохи то, что оно находится подъ дѣйствительнымъ контролемъ нравственнаго сознанія общины, имѣющей возможность рѣшительно противодѣйствовать всѣмъ разрушительнымъ импульсамъ индивида, причемъ контроль этотъ по существу безсознателенъ, такъ какъ не опирается на опредѣленную формулировку нравственныхъ принциповъ. Другимъ характернымъ фактомъ для этой эпохи являются ея религіозныя.

представленія. Богъ здѣсь—не чуждое земнымъ скорбямъ и радостямъ существо, вмѣшательство котораго проявляется въ чрезвычайныхъ случаяхъ, не другъ человечества, безпристрастно распредѣляющій милости и кары въ видахъ блага всѣхъ людей, не духовная сила, проявляющаяся въ созданіи высшихъ нравственныхъ импульсовъ. Это—членъ клана, плоть отъ плоти и кровь отъ крови его, лично и глубоко заинтересованный во всѣхъ дѣлахъ общины. Его понятія о добрѣ и злѣ совпадаютъ съ представленіями членовъ клана, такъ какъ онъ выросъ съ ними и принималъ участіе въ созданіи нравственного порядка, могущественнымъ охранителемъ котораго онъ является. Эта близость божества придаетъ особую живость и теплоту нравственному строю кланнаго періода.

Усиленіе сношеній между людьми и, главнымъ образомъ, сліяніе мелкихъ общественныхъ единицъ въ большія государства положили начало новому нравственному строю. Индивидуальное нравственное сознание пріобрѣтаетъ все большую независимость; стремясь стать *всеобщимъ*, оно перестаетъ быть *общиннымъ*. Въ то же время начинается расшатываться тождество между религіей и этикой, существовавшее въ кланномъ періодѣ. Тутъ мы встрѣчаемся съ двумя, взаимно противодѣйствующими моментами—вліяніемъ жречества и священныхъ книгъ, стремящимся закрѣпить прежнія отношенія, и теченіемъ, имѣющимъ цѣлью отдѣлать этику отъ религіи. Жреческое сословіе, удаленное отъ повседневныхъ заботъ, имѣвшее досугъ для умственной работы, повысило уровень общаго нравственного сознанія, облекло его въ систему, но, стремясь, подобно всякой общественной организаціи, захватить въ свои руки контролирующую власть, оно вмѣстѣ съ тѣмъ налагало узы на нравственность въ воображаемыхъ интересахъ религіи и старалось придать нерушимый характеръ обветшавшимъ нравственнымъ обычаямъ и идеямъ. Оно старалось закрѣпить религиозные обычаи—естественный продуктъ опредѣленной фазы общественного развитія—и тамъ, гдѣ нравственное чувство общества переросло ихъ. Ту же роль въ общемъ играли и священныя книги. Кладя въ основу нравственности нѣчто лежащее внѣ человѣка, онѣ лишали его нравственное сознание самостоятельности; закрѣпляя нравственный кодексъ, принадлежавшій опредѣленному періоду развитія, онѣ ставили преграды нравственному прогрессу. Но, принадлежа въ общемъ нравственно-чистымъ и

возвышеннымъ умамъ, онѣ создали принципы, въ теченіе долгаго времени оставлявшіе позади себя тѣ, которыми жила масса, и поддерживали нравственный порядокъ среди безурядицъ общественной жизни и индивидуальной мысли.

Послѣдній моментъ, на которомъ останавливается авторъ, это теченіе, стремящееся разграничить области этики и религіи. Впервые оно нашло себѣ ясное выраженіе въ ученіи Конфуція. Ученіе Будды, несмотря на совершенно иную теоретическую постановку, принадлежитъ тому же теченію. Къ тому же результату пришли греческіе мыслители, начиная съ Сократа, и арабскіе ученые, философія которыхъ черезъ ихъ еврейскихъ учениковъ проникла въ средневѣковую Европу. Съ той поры философская мысль неудержимо стремится въ этомъ направленіи. Привыкшая къ понятію о законосообразности физическихъ явленій, человѣческая мысль старается отыскать основанія нравственнаго кодекса въ строеніи человѣческаго мозга и въ социальныхъ условіяхъ. Авторъ вкратцѣ загѣмъ резюмируетъ результаты, къ которымъ привело и имѣетъ привести въ будущемъ это теченіе мысли.

Редакторы «Международнаго Журнала», имѣя вполне опредѣленные нравственные убѣжденія, не замыкаютъ, однако же, своего журнала въ узкія рамки опредѣленной этической доктрины. Рядомъ со статьей *Гижицкаго* (*Истинная конечная цѣль жизни*, № 3), который на вопросъ: «Почему я долженъ любить человѣчество?» считаетъ возможнымъ ограничиться такимъ отвѣтомъ: «Постойте! Это—кошунство относительно человѣчества. Мы протестуемъ противъ такого выродившагося скептицизма!» — рядомъ съ этой статьей, представляющей одно изъ самыхъ яркихъ исповѣданій религіи человѣчества, мы встрѣчаемъ статью *В. Джемса* (*Нравственный философъ и нравственная жизнь*, тамъ же), заявляющаго: «Мы не достаточно горячо любимъ этихъ людей будущаго. Мы любимъ ихъ еще меньше, когда слышимъ объ ихъ созданныхъ эволюціей совершенствахъ (*evolutionized perfection*), объ ихъ долговѣчности и прекрасномъ воспитаніи, объ ихъ враждѣ къ войнѣ и преступленіямъ и т. под. отрицательныхъ добродѣтеляхъ... Не стоитъ умирать за нихъ и побуждать другихъ жертвовать для нихъ жизнью». Мы не останавливаемся подробнѣе на этихъ статьяхъ, такъ какъ онѣ представляютъ мало оригинальнаго и трудно поддаются краткой передачѣ.

Г. Паперна.